

А.А. Вигасин

КАРТА ИНДИИ В "ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ" ПЛИНИЯ СТАРШЕГО*

В индологической литературе редко можно встретить ссылки на Плиния. Между тем соответствующая часть «Естественной истории» (VI.56–106) отнюдь не мала по объему, а содержащиеся в ней сведения, как правило, уникальны. У Плиния нет живых зарисовок природы страны, быта и нравов ее обитателей, вместо этого он предлагает сухие списки – названия мест (*locorum nuda nomina* – III.1), племен и народов. Но если приводимые ими наименования достоверны, а в перечислении их обнаружится некая система, то в нашем распоряжении окажется бесценный источник по этнополитической карте древней Индии. Как известно, именно такого рода материалов остро недостает современной науке.

Ж. Филлиоза¹, комментируя Плиния, пытался найти соответствия этническим и географическим названиям в санскритской литературе, но большинство их идентификации не поддается. На этом основании можно было бы заключить, что индийская лексика в «Естественной истории» искажена до неузнаваемости. Приводимые французским индологом сопоставления порою основаны только на внешнем созвучии с такими санскритскими словами, которые никогда не употреблялись как обозначение народа: *śākhā*² – «ветви», *ṛeta* – «усопшие»³ и т.д. Из локализации среднеазиатских скифов (шаков) где-то на вершинах Гималаев⁴, а пенджабского⁵ племени мадров поблизости от устья Ганга должно было бы следовать, что географ не имел ни малейшего представления о действительном соотношении различных регионов. Значит, перед нами – некий винегрет из имен собственных, заимствованных из самых разных источников, безнадежно испорченных и расположенных в произвольном порядке. Примерно так и определял когда-то труд Плиния известный специалист по древней географии Г. Киперт: «Хаотическая, некритически составленная компиляция»⁶. Ему вторит П. Эггермонт⁷, утверждающий, что мы имеем дело с «псевдогеографией». Если данные оценки верны, мы имели бы право и впредь игнорировать «Естественную историю» как источник по географии древней Индии. Однако я постараюсь показать, что отмеченные нелепости принадлежат вовсе не древнему писателю, а его современным интерпретаторам.

Пытаясь идентифицировать этнические названия, мы должны учитывать два основных обстоятельства. Первое: Плиний, согласно его собственным словам, пользовался преимущественно трудами греческих авторов (*auctoribus Graecis* – VI.58)

* Статья написана в рамках проекта РГНФ (код проекта 98-01-00057).

¹ *Plinie l'ancien. Histoire naturelle. Livre VI. Texte établi, traduit et commenté par J. André et J. Filliozat.* P., 1980.

² *Ibid.* P. 92.

³ *Ibid.* P. 97.

⁴ *Ibid.* P. 92.

⁵ *Ibid.* Карта 3.

⁶ *Kiepert H. Lehrbuch der alten Geographie.* В., 1878; цит. по *Dellefsen D. Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen.* В., 1909. S. 16.

⁷ *Eggermont P.H.L. Alexander's Campaigns in Sind and Baluchistan.* Leuven, 1975. P. 164.

эллинистической эпохи. Стало быть, за латинской формой имени необходимо угадать греческую. И второе: сами греки получали информацию, расспрашивая индийцев. А следовательно, привлечение санскритской топонимики недостаточно – надлежит принимать во внимание особенности фонетики местных разговорных языков.

Структура фрагмента, посвященного Индии, выглядит следующим образом:

1. Введение, содержащее общие сведения о стране и ссылки на использованную литературу (VI.56–60).

2. Дистанции от Каспийских Ворот до устья Ганга (VI.61–63).

3. Перечисление народов и царств Индии (VI.64–78), включающее кроме того краткие экскурсы:

а) о р. Ганг и ее притоках (VI.65);

б) о сословной структуре индийцев (VI.66);

в) об особенностях карты звездного неба, наблюдаемого в Индии (VI.69);

г) о р. Инд и о расстояниях от Ганга до Инда.

4. Заключение со ссылкой на другие книги «Естественной истории» (VI.79), где будет сказано о чудесах животного мира этой страны, о плодородии земли и о растениях.

Далее идет: 5. Рассказ об островах в Индийском океане – главным образом о Тапробане (VI.80–91). 6. Описание земель, лежащих к западу от Инда, а также морского пути, соединяющего Индию с Египтом (VI.92–106). Перечисленные фрагменты часто несходны по стилю, характеру сообщаемых сведений и ссылкам на источники информации, но композиция выглядит отнюдь не хаотической, а напротив – весьма продуманной истройной.

Маршрут от Каспийских Ворот до р. Гипасис (санскр. Випаша, совр. Биас) с точным указанием расстояний между пунктами (VI.61–62) приведен по данным Диогнета и Бэтона, современников Александра, «измерявших его пути» (*Diognetus et Baeton, itinerum eius mensores* – VI.61). В остальной части Индии – вплоть до устья Ганга – аналогичная работа была проведена по поручению Селевка Никатора (*reliqua inde Seleuco Nicatori peragrata sunt* – VI.63) в начале III в. до н.э.⁸

Расстояние между реками Гипасис и Сатледж (*Sydrus*, санскр. Шатадру) автор оценивает в 169 миль. Столько же, по его словам, от Сатледжа до Ямуны, но «в некоторых списках на 5 миль больше». «Оттуда до Ганга – 112,5 миль, до Родафан – 569» (варианты рукописей: *godafan, godasan*), «иные же говорят, что это пространство занимает 325 миль; до города Каллинипаза – 167,5 миль, а другие (говорят) – 265. Оттуда до слияния Ямуны и Ганга – 625 миль (а многие добавляют еще 13,5), до города Палиботра – 425 миль, до устья Ганга – 635,5 миль».

Различий во мнениях относительно расстояний между городами Праяга (где происходит слияние Ямуны и Ганга) и Паталипутра, а также между последним и устьем Ганга – нет. Путешествие здесь возможно лишь по одному маршруту – по реке, и дистанции довольно точно определяются по времени плавания и скорости течения (ср. *Strabo*. XI.1.11). Приведенные числа примерно соответствуют действительности. Оценить расстояния по суше, между реками, значительно сложнее – расхождения могут возникнуть вследствие выбора разных дорог. В любом случае 5 миль на 169 и 13,5 на 625 миль – допустимая погрешность при вычислениях. Сведения о дистанциях между реками Биас, Сатледж, Ямуна и Ганг кажутся более или менее правдоподобными, исходя из маршрута обычного для средних веков – через Лудхьяну, Амбалу, Карнал, Дели⁹.

Однако между выходом к Гангу и Праягой происходит нечто странное. Если путешественник добрался до Ямуны или до Ганга и собирается попасть к месту их слияния, он, очевидно, плывет по реке. Но тогда не может быть столь существенных различий в оценке расстояний между пунктами (569 и 325 миль, 167,5 и 265 миль). Ни

⁸ Полагают, что измерения «для Селевка Никатора» проводил Мегасфен; см. *Dettefsen*. *Op. cit.* S. 129.

⁹ *Verma H.C. Medieval Routes to India. A Study of Trade and Military Routes. Calcutta, 1978.*

Родафан, ни «город Каллинипаза» не упоминаются у других античных авторов, и локализация их затруднительна. Однако если мы отсчитаем указанные выше 625 (или 638,5) миль в обратную сторону от Праяги, то окажемся севернее Дели. Добавить еще 500–800 миль в тот же самый маршрут нет никакой возможности. Автор, видимо, не утверждает, будто путь по Ямуне (или по Гангу) проходит через Родафан и город Каллинипаза. «Оттуда до слияния Ямуны и Ганга» может означать – от места выхода к Ямуне (или к Гангу), а не от Каллинипазы. Дорога на Каллинипазу в этом случае будет ответвлением от основной. Расстояния (вероятно, по суше) приводятся на основе устно-расспросных сведений, а потому в существенно различающихся между собою вариантах.

Добравшись, наконец, до устья Ганга (VI.63), автор спустя какое-то время продолжит прерванное путешествие, на сей раз ab ostio Gangis (VI.72). Он заставит нас плыть на запад вдоль морского побережья до устья Инда. При этом, как и ранее, указываются расстояния между пунктами. Чертеж внешних контуров субконтинента таким образом получит завершение. Трудно согласиться с мнением А. Диле¹⁰, будто этот неизвестный по другим источникам «перипл» у географа появляется «немотивированно» и «неуместно». Как мы вскоре увидим, Плиний сначала (до VI.70) предлагает описание р. Ганг и племен Восточной Индии. Далее он указывает расстояние между Индом и Гангом по суше и начинает говорить о р. Инд. В таком контексте «перипл», повествующий о плавании вокруг Индии с востока на запад выглядит вполне уместно. Он предваряет описание народов бассейна Инда и всей Западной Индии.

После приведенного выше списка дистанций от Гипасиса до устья Ганга Плиний возвращается к исходному пункту на северо-западе, чтобы перечислить основные индийские племена (*gentes* – VI.64). Первую их группу составляют народы Гиндукуша и Гималаев (*a montibus Hemodis quorum promunturium Imaus vocatur*). Указаны три племени Гиндукуша, а именно: *Isari, Cosiri, Izi*.

Прежде всего можно сделать попытку определить местоположение племени *Cosiri*. Ранее, при описании Восточного Туркестана, Плиний (VI.55) назвал обитающие там племена: *Thuni* и *Phocari*. Рядом были упомянуты и *Casiri*, несомненно, тождественные *Cosiri* (VI.64). Рукописное *Phocari* (*Focari*) давно – и вполне убедительно – отождествлено с *Tochari* (Тóхароι). *Thuni* у Плиния соответствует Θ(ν)αι греческих географов (Птолемей, «Перипл Эритрейского моря» и др.). В индийских источниках это – *Cina*, т.е. китайцы. Ману-смити (X.44) перечисляет чина рядом с греками, шаками, парфянами, киратами и дарадами/дардами. Иногда в аналогичных контекстах речь идет еще о кашмирцах, гандхарцах и бактрийцах/бахлика (Брихат-самхита. V.77–78; XIV.30 и др.). В пуранах (Матсья. 114.34; Маркандея. 57.34 и др.) есть случаи, когда вместе упоминаются чина и тукхара/тушара (*cināścaiva tuṣarāśca bahulā bhāyato narāḥ* – «многочисленные китайцы и тохары за пределами (индийского мира)»¹¹).

Плиний говорит, что касиры (в отличие от китайцев и тохаров) принадлежат уже к индийским народам (*iam Indogum*), обитая с внутренней стороны (*introgus*) Гиндукуша, однако они «обращены к скифской» стороне (*ad Scythas versi*), т.е. к Центральной Азии. В описываемый район Туркестана проникают также индийские кочевники (*nomades quoque Indiae vagantur huc*). Следовательно, касиры/косиры живут в Восточном Гиндукуше (с индийской его стороны), у самого прохода в Туркестан. Речь должна идти о территории южнее современного Нуристана. Племя касиров считалось более примитивным и диким, чем другие индийцы, Плиний говорит, что они едят целовечину (ср. каннибальские мотивы в кафирском фольклоре)¹². Сравнение *Casiri* с санскритским *Khaśiga* выглядит правдоподобно, ибо последние в Махабхарате (Вульгата. VI.10.66 – *khaśīgāśca tukharāśca*) помещены рядом с тохарами, дардами и кашмирцами.

¹⁰ Dihle A. *Antike und Orient*. Heidelberg, 1984. S. 179.

¹¹ Sircar D.C. *Studies in the Geography of Ancient and Medieval India*. Delhi–Varanasi–Patna, 1960. P. 25.

¹² Йеттмар К. *Религии Гиндукуша*. М., 1986. С. 62, 252.

Следующий этноним в разбираемом списке населения Гиндукуша у Плиния (VI.64) – Izi (варианты рукописей Izzi, Izigi). Кажется вполне вероятным, что речь идет о йидга, обитающих в районе Читрала (Мунджан). Как и следовало ожидать, движение в тексте идет по Гиндукушу на северо-восток – к Гималаям, к «горе, называемой Имаем, что на языке местных жителей значит Снежная» (VI.64). Раз это так, то предшествующее косирам племя Isagi надлежит искать в противоположной стороне – к юго-западу от Кафиристана. Неудачной представляется попытка¹³ отождествить район, где жили исары, с Исамом, который Страбон (XI.11.1) считал пределом завоеваний Менандра в Индии. В противном случае пришлось бы констатировать, что знаменитый поход греко-бактрийского царя был остановлен еще у берегов Индии. Ведь Плиний прямо говорит, что Isagi живут в горах Эмода, т.е. Гиндукуша, с них, как пограничных, он начинает свой перечень индийских племен.

Далее по горному хребту (per iuga) Гималаев живут Chirotosagi. Несомненно, первый элемент в этом названии составляют кираты, которые часто упоминаются в индийской литературе как горцы и жители Гималаев. Сложнее дело обстоит с šagi. Ж. Филлиоза¹⁴ склонен усматривать в них саков (шаков). Но непонятно, каким образом среднеазиатские кочевники-скифы могут быть локализованы на вершинах Гималаев. Между тем к востоку от киратов, на территории современного Непала, обитало известное племя шакья (палийское Śākīyo, пракритское Sakkia). Очевидно, родина Будды-Шакьямуни здесь и имеется в виду.

Далее маршрут явно спускается с гор к Гангу в районе его устья, ибо речь идет о народах, «ближайших к морю» (magi proximi). Здесь обитает племя Maccocalingae (рукописный вариант – Mastocalingae). Наименование это получило различные истолкования в научной литературе. Ж. Филлиоза¹⁵ находил в нем дравидийское слово, но непонятно, каким образом лексика крайнего юга Индостана могла появиться на крайнем севере – у предгорий Гималаев. Б.Ч. Лоу¹⁶ и Б.Н. Мукерджи¹⁷ сравнивали Массо° с Mekala – одной из областей Декана. Однако мы увидим, что этот этноним Плиний называет позднее и совсем в иной форме. У Плиния постоянно встречаются чередования с и g: brastanae/bragmanaе, Calingae/Galingae и т.д. Не следует ли предполагать, что в греческом оригинале стояло Μάγγοι?

Греческое γυ читается, как известно, нг. А чуть ниже мы увидим, что индийский информатор автора, использованного Плинием, произносил губные звуки (п,б) как м (вместо пулинда у него получалось молинда). В среднеиндийских языках, прежде всего в ардхамагадхи, м появляется вместо п, б и в¹⁸. Это не индивидуальная особенность артикуляции, а диалектная черта, свидетельствующая о том, что информация собиралась где-то в Восточной Индии (очевидно, в Паталипутре). Допустимо предполагать, что в основе разбираемого этнонима Массо° (Maggo?) лежит Ваṅго/Vaṅga, т.е. древнее название Бенгалии (по преимуществу, Восточной). Тогда в качестве отправной точки для Maccocalingae появляется этноним, хорошо засвидетельствованный санскритскими текстами – Vaṅgakaliṅga (Махабхарата. VI.10.46; VII.10.15, ср. Kaliṅgavaṅga – VIII.12.59;49.79). Во всяком случае, согласно Плинию, загадочные «маккокалинги» населяли отнюдь не дравидоязычные районы и не Мекалу, а низовья Ганга по левому берегу реки, т.е. Восточную Бенгалию. Древнейшая локализация страны Ванга/Банго очень точно соответствует данному определению¹⁹.

Где-то поблизости следует искать и «две судоходные реки Принас и Каиннас, что впадает в Ганг» (flumina Prinās et Cainnas, quod in Gangen influit, ambo navigabilia). Судя

¹³ Пьянкова И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 71.

¹⁴ Pline l'Ancien. Op. cit. P. 92.

¹⁵ Ibid. P. 97.

¹⁶ Law B.Ch. Historical Geography of Ancient India. Delhi, 1984. P. 157.

¹⁷ Mukherjee B.N. The Import of the Term Maccocalingae // J.N. Banerjee Volume. Calcutta, 1960. P. 320.

¹⁸ Pischel R. A Grammar of the Prakrit Languages. Delhi–Varanasa–Patna. P. 248, 250.

¹⁹ Law B.Ch. Tribes in Ancient India. Poona, 1973. P. 263.

по контексту, речь должна идти о двух рукавах Брахмапутры. Нет ни малейших оснований полагать (вслед за О. Штейном²⁰), будто автор из Восточной Бенгалии внезапно переносит нас на запад Индии, в Раджастан, к р. Банас (древнее название которой Парнаша почему-то ученому кажется созвучным с *Gripas*).

«Калингские племена, – говорит Плиний, – ближайšie к морю. А далее (et supra: т.е. вдали от побережья, на востоке Гималаев) обитают *Mandaei* и *Malli*». Согласно буддийским источникам, Малла – одна из шестнадцати «великих стран» (махаджанапад). В палийских текстах маллы локализируются на востоке Гималаев, неподалеку от шакьев, личчхавов и ваджи/вриджи. В джатаках (IV.438, 439) встречается и *Mallagiri* – та самая «гора Малла»²¹, о которой говорит Плиний (*quodum mons Mallus*). Последняя фраза разбираемого фрагмента (VI.64) гласит: «А граница этого региона – Ганг» (*finisque tractus eius Ganges*).

Закончив с левобережьем Ганга, Плиний рассказывает о самой реке, ее девятнадцати притоках, быстроте течения и многоводности (VI.65). Он утверждает, что «самым последним из гангских народов» (*novissima gente Gangaridum*), т.е. ближайшим к устью реки, являются калинги. Речь идет уже о правобережье (ибо Ганг как «границу этого региона» мы только что миновали). Аналогичную картину мы встречаем в Рагхуванше (IV.35–41): Рагху, разгромив вангов и воздвигнув триумфальную колонну на островах в устье Ганга, ведет войска на юг – против царя калингов. Собственно калинги в древности населяли территории Уткала (совр. штат Орисса). О них и идет речь.

В связи с калингами Плиний впервые сообщает о военных силах местного правителя – черта, которая вскоре становится типичной для всех его описаний Индии: 60 тысяч пеших воинов, 1 тысяча конников и 700 боевых слонов. Видимо, тема состава армии провоцирует его на особый экскурс (VI.66) о социальной структуре индийцев. Основу ее, по Плинию, составляют четыре разряда (*genus*): земледельцы, воины, торговцы и царские советники. Первые «возделывают землю» (*tellurem exercent*), вторые «несут военную службу» (*militiam capessunt*), третьи «свои товары вывозят, а иноземные ввозят» (*merces... suas evehunt, externas invchunt*), а последние – «знатнейшие и богатейшие» (*optimi ditissimique*) – «управляют, судят и помогают царям» (*res publicas temperant, iudicia reddunt, regibus adsident*). Это – не что иное, как традиционная схема четырех варн. Безусловно, автор излагает не результаты собственных наблюдений, а информацию, полученную от образованного индийца.

Некоторые особенности нарисованной им картины кажутся в высшей степени любопытными. Обратим внимание прежде всего на то, что в качестве занятия вайшьев фигурирует именно торговля (притом «международная»), а шудры соответственно представлены как земледельцы. Такое положение многих современные исследователи²² считают характерным лишь для средневековья. Однако мы видим, что оно отражено уже в эллинистическом источнике, использованном Плинием. О шудрах как основном земледельческом и податном населении говорят и некоторые древнеиндийские тексты, прежде всего Артхашастра²³. Второй интересный момент заключается в своеобразной оценке статуса брахманов как судей, царских советников и политических деятелей, отличающихся знатностью и богатством. В санскритских памятниках брахманы нередко фигурируют в таком качестве, но еще чаще о них идет речь как о жрецах и учителях, далеких от царского двора. Возможно, индийский информатор был именно придворным брахманом и потому указанным образом определил статус своей варны.

Перечисление варн начинается с наиболее многочисленного социального слоя, а заканчивается избранным меньшинством. В тексте присутствует некая иерархия, не

²⁰ Stein O. *Megasthenes* // RE. XV. S. 291.

²¹ Law. *Historical Geography*... P. 21.

²² См. например: Шарма Р.Ш. *Древнеиндийское общество*. М., 1987. С. 406.

²³ Вигасин А.А. Переход от древности к средневековью. Данные санскритских источников и их интерпретация // ВДИ. 1993. № 3. С. 73.

совсем совпадающая с индийскими представлениями, отраженными в брахманских шастрах. Состоятельные купцы-вайшьи оказались рядом с «царскими советниками и судьями», оттеснив массу рядовых воинов. В основу иерархии социальных групп положены богатство, профессия, многочисленность, но не степень ритуальной чистоты.

Помимо четырех варн Плиний упоминает еще тех, кто «предан мудрости, которая у них прославлена и почти обращена в религию» (*celebrate illis et prope in religionem versae sapientiae deditum*). Последнее выражение очень точно соответствует индийскому понятию «дхарма». Речь идет о святых отшельниках, переставших соблюдать обязанности «домохозяев». Варновые различия для них становились неактуальными, и греки, безусловно, должны были воспринимать этих «любителей мудрости» как особый «пятый разряд» (*quintum genus*). Слова же о том, что подобный мудрец «всегда добровольно завершает свою жизнь на костре» (*voluntaria semper morte vitam accenso prius gogo finit*), вызываются, конечно, живым воспоминанием о знаменитом спутнике Александре – Калане.

С другой же стороны, продолжает Плиний, «есть еще один род полудикарей (*unum super haec est genus semiferum*), занятых тяжким трудом (*ac plenum laboris immensi*), которым люди иных разрядов гнушаются (*a quo supra dicta continentur*)», например, «ловить и укрощать слонов (*venandi elephantos domandique*)». Понятно, что в данном случае имеются в виду те низкокастовые, которых варновые индийцы сторонились как неприкасаемых. Слоновщики (*hastipa*) и в санскритских памятниках выступают в качестве отверженных. Например, в дхармашастре Нарады (XV–XVI.12–15) говорится о том, что чандалу, швапаку или же слоновщика за провинность можно наказать самостоятельно, не обращаясь в суд, ведь они «грязь среди людей» (*malā huete manuṣyeṣu*).

После этого замечательного социологического экскурса географическое описание Восточной Индии продолжается: «Есть остров на Ганге огромного размера, где живет одно (лишь) племя, называемое модогалинг». До сих пор маршрут пролегал вдоль Бенгальского залива в южном направлении. Поэтому следует думать, что модогалинг находится южнее собственно Калинги/Ориссы. -galinga, естественно, соответствует Calinga, т.е. Kaliṅga. Мы увидим чуть ниже, что в латинском тексте нередко *o* соответствует греческому *ou*, а в конечном счете восходит к санскритскому *u*. Например, санскр. Pulinda в греческом дает Πουλινδαί (Ptol. VII.1.64), а у Плиния преобразуется в Molindae. Поэтому можно предполагать, что этноним (Modogalinga) начинался на *muḍu*. Но давно уже было указано²⁴, что *muḍu* на языке телугу значит «три» и потому санскритским эквивалентом для Модогалинги является Trīkaliṅga. Последнее название хорошо известно по эпиграфическим источникам как обозначение территории Андхра-Прадеш²⁵, языком которой и является телугу.

Мы можем предполагать наличие некоего информатора, использовавшего местную разговорную форму географического названия. На индийский источник, возможно, указывает и то, что Плиний говорит об «острове» (*insula*). На санскрите слово *dvīpa* (букв. «остров») нередко употреблялось для обозначения страны, области (например, Курудвипа – «страна Куру» в междуречье Ганга и Ямуны). В Брахмандапуране (53.140) говорится: *dvīrapastvāt smṛto dvīpaḥ* – «словом двипа называется междуречье»²⁶. Трикалинга (Телингана) располагалась между реками Годавари и Кришна. Грек, очевидно, просто не понял собеседника, истолковав *muḍukaliṅgadvīpa* как некий «остров». Плиний же добавляет еще *in Gange* в прямом противоречии с предшествующим текстом, маршрут которого давно уже миновал долину Ганга. Нелепое *in Gange* демонстрирует отсутствие ориентации на местности автора «Естественной

²⁴ *Pline l'Ancien*. Op. cit. P. 97, со ссылкой на Campbell A.D. A Grammar of the Telooogo Language. Madras. 1820.

²⁵ *Sircar*. Op. cit. P. 85.

²⁶ *Sircar D.C.* Cosmography and Geography in Early Indian Literature. Calcutta, 1967. P. 37.

истории». Напротив, выражение «огромного размера, где живет один народ» хорошо соответствует историко-географической реальности – обширности земли андров.

Плиний говорит (VI.67), что «далее располагаются (*ultra siti sunt*) Modubae, Molindae... Modressae, Praeti, Calissae, Sasuri, Passalae, Colobae, Orumcolae, Abali, Thalutae». Первая пара в этом перечне несомненно соответствует санскритским наименованиям Mutiba и Pulinda. Локализация племен не вызывает особых затруднений – они жили неподалеку от андров и потому упоминаются вместе с последними уже в брахманической прозе (Айтарей-брахмана. VII. 18: andhrāḥ...pulindā mutibāḥ). Андров ассоциируются с пулиндами и в эдиктах Ашоки (XIII БНЭ: amdhra-palidesu). пулинды обитали несколько севернее андров и, таким образом, своим *ultra* автор обозначает вектор движения на север (см. карту).

Modressae вызывает ассоциации с инд. мадра (мадрака). Если Плиний имел в виду мадров Пенджаба, то с географией Индии дела у него обстояли совсем плохо. Однако в санскритских текстах мы встречаем и другое племя – мадраков, которые жили в Декане неподалеку от андров и пулиндов. Достаточно указать на рукописи Махабхараты (XII.200.39), где племена Декана перечислены следующим образом: «Все обитатели Дакшинапатхи: ...андров... пулинды... вместе с мадраками» (*dakṣiṇāpathajanmānaḥ sarve ... andhrakāḥ ... pulindāḥ ... madrakaiḥ saha*). В надписи Киртивармана I из династии Чалукьев²⁷, очевидно, именно эти мадраки, а не пенджабские мадры, указаны рядом с племенами Восточной Индии (такими как калинга и ванга, магадха и анга).

Следующая пара – Calissae, Sasuri. Если информация в конечном счете восходит к какому-то уроженцу Восточной Индии (откуда начинается маршрут), нам следует учитывать диалектные особенности фонетики данного региона, в частности, появление / / вместо /r/. Так как в калинских эдиктах Ашоки pulisa соответствует санскритскому puruṣa (purīsa в надписях из Западной Индии), мы вправе реконструировать на основе пракритского Kalisa (Calissae) санскритское Karuṣa. Племенное название Karuṣa или Kāruṣa часто упоминается в Махабхарате.

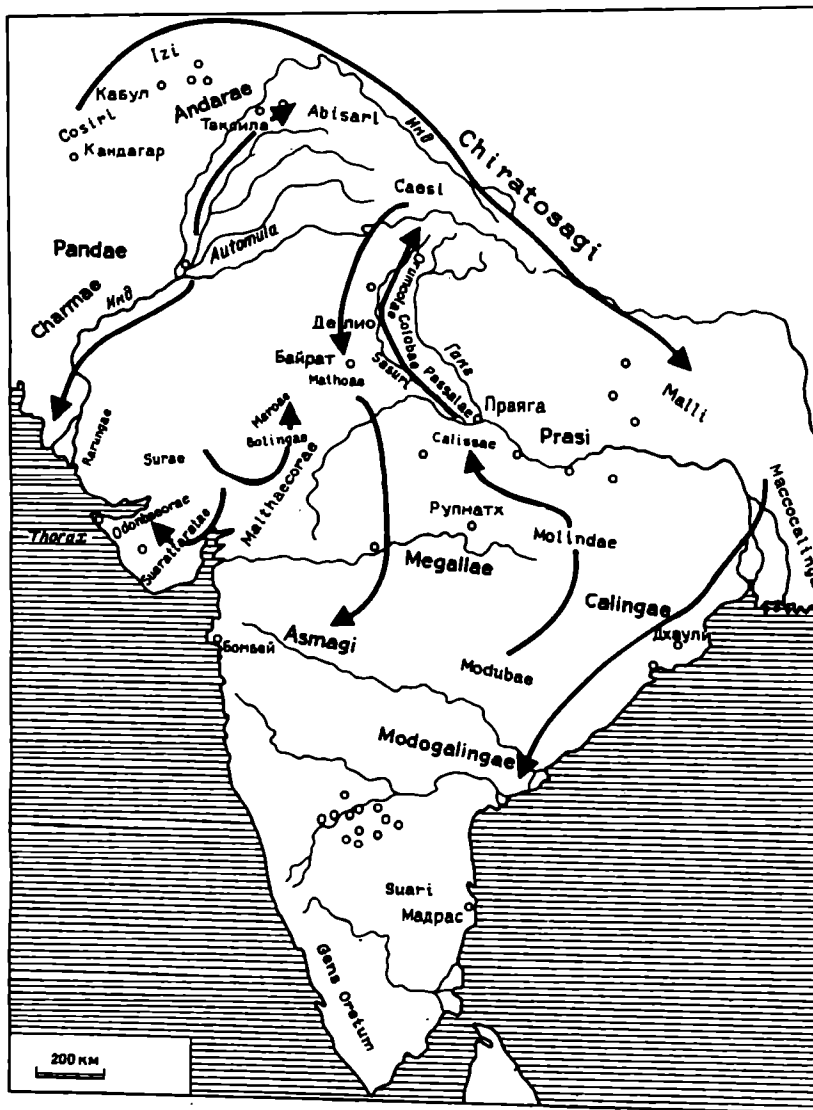
Можно пойти и несколько далее. Арриан (Ind. 8.5) вслед за Мегасфеном говорит о том, что в области Сурасена на берегах р. Иоманес находятся два крупных города – Метора и Клейсобора. Почти все эти названия легко идентифицируются: Сурасена – санскр. Шурасена, Иоманес – р. Ямуна (Джамна), Метора – знаменитый город Матхура. Остается лишь одна проблема – с Клейсоборой. Еще в прошлом веке указывалось на то, что *boḡa* соответствует санскритскому puruṣa, («город»), и это кажется вполне очевидным (ср. Παλιβόθρα от санскр. Pāṭaliputra). Но многочисленные попытки истолковать²⁸ Kleisobora как Kṛṣṇapurīga («город Кришны», предположительно Вриндаван или Гокула) не выдерживают критики. Среднеиндийской формой от Kṛṣṇa было бы Каṛṇа, а не Kleiso. Новейшая гипотеза А. Далквиста²⁹ о том, что это вариант от придуманных им названий [Hera]clespura (!?) или [Sa]krasyapura (!?) вовсе не имеет права на существование.

Именно Плиний проливает свет на эту давно дискутируемую проблему. Его текст (VI.69) выглядит следующим образом: *annis Iomanes in Gange per Palibothros decurrit inter oppida Methora et Charisobora. Charisobora должно восходить к пракритскому Karisapura, санскр. Karuṣapura, т.е. «город карушей». Плиний, пользуясь двумя разными источниками, употребляет обе диалектные формы: когда говорит о городе, то западную – Charisobora (от Karisa), когда о племени – восточную: Calissae/Kalisa. Вариант же, избранный Аррианом, очевидно, восходит к восточному диалекту: Κλεισόβωρα из Kalisapura/Karuṣapura. Название Karuṣapura не засвидетельствовано санскритскими источниками, однако оно полностью соответствует обычной для древней Индии практике – ср. «город пулиндов», «город калингов» и т.п.*

²⁷ Comprehensive History of India. V. III. Delhi, 1981. P. 415. cf. Law. Tribes... P. 164.

²⁸ Pline l'Ancien. Op. cit. P. 100.

²⁹ Dahlquist A. Megasthenes and Indian Religion. Delhi, 1977. P. 131–133.

Реконструкция карты Индии по данным "Естественной истории" Плиния

Благодаря Плинию мы можем определить местонахождение города. Слова «река Иоманес несет свои воды в Ганг по земле палиботров между городами Метора и Карисобора» достаточно определенны. Матхура не находится у места слияния Ганга и Ямуны, поэтому истолкование «впадает в Ганг между двумя городами» невозможно. Выражение «по земле палиботров»³⁰ кажется лишним и совершенно бессмысленным, если речь идет просто о том, что города находятся на противоположных берегах реки. Следовательно, возможна лишь одна интерпретация данного пассажа: область вдоль Ямуны по направлению к Гангу, которая находится между городами Матхура и Карисапур, принадлежит «палиботрам», т.е. тому народу, чьей столицей является г. Паталипутра.

Очевидно, Матхура – один из последних, пограничных городов, принадлежащих

³⁰ «Per Palibothros», вопреки А. Далквисту, отнюдь не означает «through Pataliputra».

магадхскому царю Паталипутры. И понадобилась эта фраза именно для того, чтобы очертить границы царства палиботров-прасиев. Следовательно, Карисапуря должна быть расположена восточнее, ниже по течению Ямуны. И если Плиний говорит, что Ямуна течет по земле Магадхского царства («через палиботров») на пространстве между этими двумя городами, значит, «город карушей» находился возле впадения ее в Ганг (район Праяги и Каушамби). Эти построения находятся в полном соответствии с локализацией карушей по санскритским источникам. Данное племя обычно ассоциируется с чеди, каушамба и магадха, а порою также с ядава и бходжа (последнее заставляет думать о правобережье Ямуны). Б.Ч. Лоу³¹ полагал, что каруши занимали приблизительно дистрикт Рива (южнее Праяги). Здесь и следует поместить Calissae Плиния с их столицей – Charisobora.

Близкими соседями карушей к северу, как известно, были шурасены/сурасены с центром в Матхуре. По всей видимости, они и представлены у Плиния под именем Sasuri (вместо Surasa-Surasena, перестановка слогов типа Garganidum/Gangaridum в рукописях Плиния – VI.65).

Следующая пара: Passalae, Colobae (рукописный вариант Colebae). Первое без труда идентифицируется как известное племя Pañcāla в междуречье Ганга и Ямуны (ср. Παζάλοι – Ag. Ind. 4; Πασσάλα – Ptol. VII.1.50). Таким образом, закончив с описанием правобережья Ямуны, автор переходит к левобережью, вновь начиная от места ее впадения в Ганг. Панчалы обычно ассоциируются с их соседями – куру. Потомки рода куру – кауравы, пракритский вариант имени – Kogabho. Так как мы уже убедились, что все названия приводятся в восточной диалектной форме (очевидно, передавая речь одного и того же информанта), последнее должно приобрести вид Kolabbo. Конечно, они и имеют в виду под Colobae Плиния.

Далее следуют Ogmcolae. Если Colobae соответствуют Kaurava, то Colac, очевидно, не кто иные как Kuru. Есть все основания полагать, что Ogmcolae Плиния – санскр. Uttarakuru («северные куру»). В этом слове произошли, видимо, такие же изменения, как в санскр. Pāṭaliputra, превратившемся в Палицвѳтра (Ag. Ind. 2) – выпадение /a/ и назализация гласного. В самих древнеиндийских источниках употребление термина уттара-куру двойственно: иногда это северная ветвь племени куру, а в других случаях – мифологизируемый народ где-то на севере, за Гималаями³². Интересно отметить, что Плиний уже упоминал (VI.55) последних уттара-куру как народ, сходный с гиперборейями греческих преданий. Используя иные источники (а именно труд Амомета), чем те, на которых строится разбираемый фрагмент, он называл их Attacoges. В данном же случае имеется в виду конкретная историческая область – крайний север страны куру-панчала, междуречье Ганга и Ямуны.

Последние два названия в этом списке: Abali и Thalutae. Если вновь вспомнить о том, что /l/ часто заменяет собою r, Abali сопоставимы с Αββαγα, а те упоминаются в географических главах Брихат-самхиты (XIV.27) где-то между Пенджабом (Таксила, Пушкалавати), с одной стороны, и Раджастаном, с другой (очевидно, совр. округ Амбала). Я не решаюсь идентифицировать Thalutae вовсе. Ясно лишь, что вектор движения на север сохраняется, а стало быть их следует искать в предгорьях Гималаев (может быть, в районе страны Кулута/Каулута, т.е. долины Кулу).

После этого длинного списка народов – от Андхры до предгорий Гималаев – Плиний говорит о военных силах «их царя» (rex horum). Совершенно ясно, что речь не может идти о царе всех перечисленных выше племен – от пулиндов Декана до панчалов, куру, уттара-куру и пр. Автор просто возвращается к царству Андхры, которое он называет Модогалинга. Если верить его информации, оно действительно было обширным (magnae amplitudinis), имея армию: 50 тысяч пехотинцев, 4 тысячи всадников и 4 тысячи слонов.

А продолжение этого пассажа таково: «Но еще сильнее (validior deinde) народ

³¹ Law. Tribes... P. 88.

³² Ibid. P. 21.

Андары (gens Andarae), с многочисленными селениями и тридцатью городами, окруженными стенами с башнями. Царю поставляет 100 тысяч пехотинцев, 2 тысячи всадников, 1 тысячу слонов. Дарды очень богаты золотом, а сеты – и серебром». Андара, как правило, индологами отождествляется с Андрхой. Но, во-первых, мы видели, что Андрха уже упомянута под именем Модогалинга (и это отождествление подтверждается приведенным выше списком племен, который начинается именно с района севернее Андрхы). Во-вторых, совсем не просто вывести латинское Andara из Andhra. В-третьих, нет никаких сомнений в том, что названные здесь же дарды – жители Дардистана (инд. Darada). Сам Плиний в другой книге (XI.111) говорит: «Золото... в области северных индийцев, которые именуются дардами» (ср. Strabo. XV.1.44; Agg. Ind. 15). По мнению Дж. Туччи и П. Эггермонта³³, сеты могут быть идентифицированы с обитателями долины Сват (Σουδοτος – Ptol. VII.1.26, Σοδοτος – Agg. Ind. 4). Это кажется вполне вероятным, во всяком случае, спутники Александра рассказывали о множестве серебра в государстве Таксила, расположенном в этом регионе (Agg. Anab. V.3.5; Curt.Ruf. VII.12.15).

Но упоминание Дардистана и, предположительно, долины Сват в связи с Андрха-Прадешем было бы совершенно бессмысленно. Плиний явно возвращается на северо-запад Индии, сравнивая Андрху-Модогалингу с другим царством – (Г)андара, т.е. с Гандхарой. Описание страны, покрытой множеством деревень и укрепленных городов, типично для образа Гандхары у античных писателей (ср. Strabo. XV.1.29). Обратим внимание и на следующее: если Андару не считать Гандхарой, то вся Северо-Западная Индия у Плиния не получит никакой политической характеристики. Он говорит (VI.70) о том, что бассейн Инда не принадлежит «прасиям», но никакого другого государства в районе Таксилы не называет. Если же мы примем отождествление с Гандхарой, то следующее затем сравнение ее с царством прасиев окажется просто общим местом в античной исторической традиции. Ведь еще современники Александра писали, что царь далекой Паталипутры – самый могущественный из правителей Индии (Agg. Ind. 5), а войск у него намного больше, чем у Пора. В «Естественной истории» (VI.68) говорится: «Прасии превосходят по могуществу и славе почти все народы в Индии, а не только в этой области, обладая крупнейшим и богатейшим городом Палиботрой, по которому и сам народ иногда называют палиботрами – и даже целую страну начиная от Ганга. У царя их на содержании пехотинцев 600 тысяч, всадников 30 тысяч, слонов 9 тысяч, из чего можно сделать заключение, что средства его бесчисленны». Как известно, слово «прасии» воспроизводит санскритское Prāśya, т.е. «восточные». К «восточным» народам причислялись прежде всего магадхи, столицей которых являлась Паталипутра. О политическом положении Магадхи мы скажем позднее.

Плиний продолжает: «За ними в глубине страны (ab his in interiore situ) находятся Monaedes и Suari, у которых есть гора Maleus, где тени зимою падают на север, а летом на юг – по шесть месяцев». Последнее указание весьма ценно для локализации региона. Тени падают на юг в течение какого-то времени повсюду южнее Северного тропика (23°21'). Период этот тем продолжительнее, чем ближе пункт к экватору. Лишь на самом экваторе он длится действительно ровно полгода. Так как вся Индия расположена севернее экватора, сведения о шести месяцах ошибочны. Однако они близки к действительности для крайнего юга Индостана (совр. штаты Керала и Тамилнад). «По свидетельству Бэтона, в той стране, – продолжает Плиний, – Большая Медведица показывается один раз в год, и то лишь на пятнадцать дней. По словам Мегасфена, то же самое свойственно многим районам Индии. Южный полюс индийцы называют Дамаса». Ссылки на Бэтона и Мегасфена показывают, что информация восходит к концу IV в. до н.э. Вопрос этот горячо обсуждался в географической литературе раннего эллинизма. Деимах оспаривал утверждение Мегасфена, будучи человеком «несведущим в астрономии». И напротив, Эратосфен склонен был

³³ Eggermont. Op. cit. P. 181; Tucci G. On Swat // EW. NS. 1977.27.1–2.

доверять свидетельствам «Неарха и его последователей» о том, что «в Индии обе Медведицы заходят» (Strabo. II.1.19–20).

Для греческих ученых проблема заключалась в определении широты наиболее южной оконечности Индостана. Полемика, в частности, разгоралась по вопросу о том, находятся ли южные области Индии ближе к экватору, нежели Мероэ (Strabo. II.1.20). Сообщение Страбона позволяет уточнить слова Плиния о Мегасфене – последний говорил о «многих районах» не вообще в Индии, а именно в южной ее части. Однако все авторы, на которых даются ссылки по этому вопросу (Бэтон, Неарх, Мегасфен), сами не плавали вокруг Индии. Информацию они могли получить только от индийцев. Неарх и Бэтон должны были расспрашивать моряков где-то в районе Синда. Мегасфен же, видимо, проверял достоверность этих сведений, беседуя с индийцами в Паталипутре. Именно поэтому у Плиния о народах юга говорится в соотношении с прасиями (ab his in interiore situ). Индийское слово означающее Южный полюс, появляется, очевидно, в связи с определением широты местности на крайнем юге по звездному небу. Заключительная фраза приведенного фрагмента несомненно указывает на индийский источник.

Название mons Maleus (рукописный вариант – Malaesus) напоминает гору Malaya санскритских источников, т.е. Кардамоновы горы в Керале (см. в Рагуванше IV.46 о горе Малая, покрытой зарослями перца и кардамона). Д.Ч. Сиркар пишет: «Нет ни малейших сомнений, что Malaya – это Кулапарвата, южные отроги Западных Гхатов»³⁴ (ср. Махамаяури. 40: «в Малае... среди кералов» – malaye keralaṣu)³⁵. Malai – слово, по-тамилски означающее гору. Бессмысленно вслед за П. Эггермонтом³⁶ искать эту гору где-то в Белуджистане. По мнению бельгийского индолога, Плиний имел в виду мыс Малан на северном побережье Аравийского моря и отождествлял его с упомянутой прежде «горой Малла» в Бенгалии. Однако вся эта путаница и «псевдогеография» не имеет ни малейшей опоры в тексте римского писателя – она целиком принадлежит современному исследователю!

В другой книге «Естественной истории» (II.184), цитируя тот же источник, Плиний говорит: «У индийского народа Oretum есть гора, называемая Maleus, подле которой тени ложатся летом на юг, а зимою на север». Племя «оретов» не находит соответствия в индийских источниках. Предположение А. Клотца³⁷, что некие переписчики превратили «монедов» в «оретов» ничем не может быть аргументировано. Между тем еще Х. Лассен³⁸ понимал, что в греческом источнике Плиния стояло ορειτῶν, т.е. «горцев». Латинский же автор дал транслитерацию греческого слова, приняв его за имя собственное – Oretum. Мы можем сделать и следующий шаг в их отождествлении: малаялам – этноним населения Кералы – и значит «горцы».

Не представляют загадки и Suarī. Они соответствуют Σῶραι у Птолемея (VII.1.68; cf. Plin. NH. VI.75: Suaratta как передача пракр. Soraṭṭha). Σ в данном случае воспроизводит индийское с (так же, как в словах: Pañcāla – Πανσάλα, Sina – Σίναι, Ptācya – Πράσιος, Candragupta – Σανδρόκοπτος и т.д.). Σῶραι Птолемея – несомненно чолы, населявшие Коромандельский берег (Coramandala – «страна чолов»).

На этом экскурс о крайнем юге завершается, и Плиний возвращается к прасиям. Здесь-то и появляется рассмотренный прежде пассаж о Ямуне, которая от Матхуры до Charisobora течет по земле прасиев-палиботров. От Ямуны автор ведет нас к Инду, замечая при этом (VI.70), что на широтах южнее Ганга народы – смуглые от солнца, иногда даже темные, хотя и не такие «обугленные», как эфиопы. Но чем ближе к Инду, тем народ светлее. Инд находится сразу же за границами «народа прасиев». Следовательно, царство прасиев/палиботров занимает лишь Гангскую долину. Это соответствует предшествующим утверждениям, что палиботры владеют «всей стра-

³⁴ Sircar. Studies... P. 189.

³⁵ Levi S. Le Catalogue géographique des Yakṣa dans la Mahāmayūri // JA. 1918. P. 41.

³⁶ Eggermont. Op. cit. P. 160.

³⁷ Klotz A. Quaestiones Plinianae geographicae. B., 1906. P. 189.

³⁸ Lassen Ch. Indische Altertumskunde. Bd II. Bonn, 1849. S. 667.

ной, начиная от Ганга (tractum universum a Gange)», и что Матхура расположена на ее рубежах.

Изложение становится обрывочным и конспективным. По словам Плиния, «говорят, что в горах их живут пигмеи (quorum in montanis Pygmaei traduntur)». По всей видимости, traduntur – глухая отсылка к Мегасфену. Страбон (XV.1.57) ссылается именно на Мегасфена, рассказывая о диковинных людях ростом в 3 или 5 пядей. Некоторые из этих дикарей были доставлены к Чандрагупте из мест их обитания – откуда-то с Гималаев, «от истоков Ганга». Сообщение античного автора находит соответствие в санскритских источниках. По свидетельству Артахаштры (I.21.1), при царском дворе держали «киратов – горбунов и карликов» (parighyeta... kubjavāmanakīrātāih). Об индийских пигмеях, живущих далеко в горах (extrema in parte montium Trispithami Pygmaei que narrantur), Плиний говорит еще раз в другой книге (VII.25), не только пересказывая Мегасфена, но и прямо ссылаясь на него.

Очертив горы как северные пределы страны прасиев, автор со ссылкой на Артемидора сообщает о расстоянии между Индом и Гангом в 2100 миль. Дистанции от Инда до Гипасиса, Иомана и Ганга уже были даны (VI.62–63), и здесь эта информация кажется лишней – тем более со ссылкой на Артемидора. Кроме того, приводимое число намного больше суммы указанных выше интервалов. Оно появилось в результате какой-то математической операции. Речь идет, по-видимому, не о кратчайшем расстоянии между реками по торговым дорогам (о говорилось ранее), а о конфигурации всего субконтинента.

После экскурсии о бассейне р. Инд (VI.71) Плиний вычерчивает внешний контур страны: «От устья Ганга до мыса калингов и города Дандагуда – 625 миль, до Тропина – 1225 миль, до мыса Перимула, где находится знаменитейший порт Индии, – 750 миль, до города на острове Патала, о котором мы уже говорили – 625 миль». Таким образом, вдоль морского побережья между устьями Инда и Ганга он насчитывает всего 3225 миль. Названные прежде 2100 миль могут быть расстоянием между теми же точками (устьями рек) по суше и по прямой линии. Действительно, 2100 миль соответствуют примерно 19–20 тысяч стадий – именно так греческие географы определяли протяженность Индии с Запада на Восток (Strabo. II.1.2; XI.1.11).

Затем описание этнополитической карты продолжается, причем автор возвращается примерно в тот район, где он прежде остановился – предгорья между Индом и Ямунной (VI.73: gentes montanae inter eum, т.е. Индом – et Iomanem). Но теперь он направляется на юг, перечисляя следующие народы: Caesi, Caetriboni, Siluestres, dein Megallae и далее: Chrysei, Parasangae, Asmagi. Можно с большой долей уверенности утверждать, что Caesi соответствуют Khaśa/Khasa. Никакого отношения к слову «волосы» (keśa) этноним, вопреки В. Томашеку³⁹, конечно, не имеет. Khasa действительно «горные народы» (gentes montanae – parvatāśrayiṇāḥ). Они жили на севере Индии, поблизости от киратов и даратов (см., например, Сабхапарва. 48.3; Удьогпарва. 158.20; Дронапарва. 97.36; в Брихат-самхите кхасы перечисляются между долиной Кулу и Кашмиром).

Caetri сопоставимо с Caetrie в латинских рукописях Птолемея⁴⁰ (VII. 1. 64). Греческий оригинал последнего дает Χατριάοι (вероятно, связано с kṣatriya). Речь должна идти примерно о районе Курукшетры. Siluestres у Плиния, видимо, не эпитет к предшествующему, а отдельное племенное наименование («лесные племена» – jāṅgala в Бхишмапарве, 10.3, aṭavi или vaparāṣṭra в Брихат-самхите, XIV. 29, отсюда, может быть, и boni – санскр. vana).

На твердую почву мы встаем, лишь переходя к следующему названию. Megallae точно соответствует санскритскому Mekala. Последнее надежно локализуется благодаря тому, что р. Нармада именуется «дочерью Мекала» (Mekalasutā – Падмапурана. 6). Следовательно, страна Мекала находилась у верховьев Нармады. Согласно

³⁹ Pline l'Ancien. Op. cit. P. 103.

⁴⁰ La géographie de Ptolémée. L'Inde (VII. 1–4). Texte établi par L. Renou. P., 1925.

Плинию, местный царь имеет 500 слонов, число же пехотинцев и всадников неизвестно.

После загадочных хрисеев (может быть, просто перевод местного этнонима – «золотые») и парасангов следуют асмаги, которых нетрудно отождествить с санскр. ашмака. Как и в слове Megallae происходит озвончение: k → g. Из буддийских источников известно, что страна эта (палийское Assaka – одна из махаджанапад) располагалась на берегах р. Годавари⁴¹ и столицей имела г. Пратиштхана (Пайтхан, Потана). Плиний утверждает, что у местного царя – 30 тысяч пехотинцев, 300 слонов и 800 всадников. Об ашмаках у Плиния имеется добавление, что страна их изобилует тиграми. Это хорошо согласуется с эпико-пураической традицией. Адипарва Махабхараты (ср. Вишнупурана, Брихан-Нарадия-пурана и др.) содержит предание, согласно которому отцом эпонима народа ашмаков был Калмашапада (букв. «Пятистопный»). Этот Калмашапада, одолеваемый злым демоном-ракшасом, как тигр бродил по джунглям в поисках человечины (vyaghraḥ raśumiva – Махабхарата. I. 166. 36). Очевидно, ашмаки возводили свою родословную к тигру.

Ашмака – крайняя южная область в данном списке стран, и это не случайно. То же самое мы наблюдаем и в грамматике Панини, датируемой примерно маурийским временем. По словам В. Агравала⁴², Ашмака – предел его географического горизонта на юге. Отсюда Плиний начинает движение на север и северо-запад: из Махараштры в Раджастан и Гуджарат. «Для тех (народов), окруженных цепью гор и пустынями, границей является Инд (hos Indus includit montium corona circumdatos et solitudinibus)». Это, конечно, определение Западной Индии (того, что называлось термином «Апранта») – между р. Инд, обширной пустыней Тар и отрогами гор Аравалли, Виндхья и Сатпура. «625 миль ниже по пустыням – Dari и Surae, и снова через пустыни – 187 миль, (где) большею частью песка обнимают (оазисы), наподобие островов в море (DCXXV infra solitudines Dari, Surae, iterumque solitudines per CLXXXVII, plerumque harenis ambientibus haud alio modo quam insulas mari)». Речь несомненно идет о некоем караванном пути, дистанции на котором были измерены.

Surae могут быть отождествлены с народом Śūra, который в пуранах перечисляется среди «западных народов» наряду с саураштра, абхира, арбуда, марука, малава и обитателями гор Париятра (Брахма-пурана. XIX. 17: tathāparāntyāḥ surāṣṭrāḥ śūrābhirās-tathārbudāḥ/mārukā mālavāścaiva pāriyātranivāsinaḥ). В рукописях Śūra часто смешивали с более знакомым śūdra⁴³. В Махабхарате IX. 36. 1 несомненно śūdra следует исправить на Śūra: tato vinaśanaṃ rājannājagāma halāyudhaḥ śūrābhirān prati dveṣād yatra paśṭā sarasvatī – «Река Сарасвати в районе Винашаны исчезает в песках из-за ненависти к шура и абхира». Абхиры жили в районе Качского Ранна (αβερία в «Перипле Эритрейского моря». 41, αβηρία у Птолемея I. 55). Шура, очевидно, чуть севернее – в районе Винашаны.

Расстояние в 625 миль до Surae настолько велико, что заставляет предполагать в качестве отправной точки некий пункт в Пенджабе. Отсчет, видимо, идет от р. Инд, упомянутой в предшествующей фразе. Об этом же может говорить и употребляемое Плинием слово infra (в отличие от обычно используемого при поступательном движении вперед – ultra). Маршрут до Dari и Surae мог идти вдоль русла р. Сарасвати. «Ниже этих пустынь (infra deserta haec) – Malthaecorae, Singae, Maroae, Rarugae (вариант: Ranguae), Masugae (вариант: Morum). Они населяют горы, которые тянутся непрерывною чредою до берега океана; свободные и не имеющие царей, они занимают холмы своими многочисленными крепостями». Это красочное описание вызывает в памяти картины раджпутской Индии раннего средневековья. Несомненно, имсются в виду предгорья Аравалли и район Малвы.

Известно, что значительную часть Раджастана позднее занимали племена малавов.

⁴¹ DPPN. I. 222.

⁴² Agrawala V. India as Known to Panini. Lucknow, 1953. P. 38.

⁴³ Law. Tribes... P. 79 (Vi. P. II. 3; Bhag. P. XII. I. 36).

И если информация Плиния восходит в конечном счете к уроженцу Западной Индии (о которой идет речь), в его произношении *l* могло превращаться в *r* – как в XIII эдикте Ашоки гирнарская версия дает *raginda* вместо *palida*. Тогда *Marogae* сопоставимо с *Mālava* – тем племенем, о котором только шла речь как о соседях *Sūra* (о вместо *ava*). Малавы действительно «не имели царей» – они составляли немонархическое государственное образование *Mālavagaṇa*. Монеты этого объединения находят преимущественно в районе г. Джайпур⁴⁴.

Загадочное *Masugae* (вариант *Mogum*), вероятно, соответствует *Maruka* – племени, которое, согласно пуранам, соседствовало с малавами (исходной формой в латинском тексте было, видимо, *Magugae* с озвончением *k* в *Aśmaka* и *Mekala*). Упомянутые здесь же *Ragugae* можно сопоставить с *Roguka* – столицей саувиоров⁴⁵. Правда, в этом случае придется думать, что автор описывает не только восточную границу пустыни *Tar*, но и юго-западную, где жили саувиры.

Значительной этнической группой Раджастана являлись шалвы (Рамаяна, Кишкинда. 42. 23, Махабхарата. V. 54. 18 и др.). В *Кашике* на Панини (IV. 1. 173) говорится, что союз шалвов состоял из шести племен: удумбара, тилакхала, мадракара, югандхара, бхулинга и сарадатта. По меньшей мере, два из них Плиний называет здесь же (VI. 75 и 77) – *Bolingae* (бхулинга) и *Odonbeogae* (удумбара). Вероятно, и только что упомянутые *Malthaeogae* соответствуют мадракарам. Ряд племен не удается найти в индийских источниках. Но вряд ли следует ожидать, что обо всех – даже самых мелких – группах могли сохраниться сведения в санскритской литературе. А сложная этническая история региона не позволяет надеяться, что соответствующие имена продолжали употребляться спустя много веков после Плиния.

Далее (VI. 74) речь идет о народе *Nageae*, обитающем вплоть до «самой высокой горы у индийцев – *Capitalia*; на противоположном ее склоне жители устраивают многочисленные рудники для добычи золота и серебра». Несомненно, имеется в виду гора Абу (т.е. Арбуда, ср. ранее о племени арбуда по соседству с *Mālava*), совр. название *Гуру*. Любопытна ее характеристика как «самой высокой из индийских» гор. На крайнем юге Индостана есть горы и выше, но древние не всегда рассматривали дравидийские земли (*Лимирику*) как часть Индии. Отсюда маршрут пролегает на запад – к царствам *Oratae* (у местного правителя всего 10 слонов, но множество пехотинцев) и *Suarattaratae*. Последнее легко сопоставляется с Сураштрой – речь идет о п-ове Катхиявар. По сведениям римского географа, местные цари не используют боевых слонов, ограничиваясь пешим и конным войском – VI. 75. На память приходит утверждение *Артхашастры* (II. 5. 15–16), что слоны в Сураштре очень плохи.

Северная часть полуострова в индийских источниках называется *Ānarta* – сравнимо ли это с латинским *Oratae*, сказать трудно. Рядом находятся *Odonbeogae* (т.е. удумбары) и *Sarabastrae*. Особенно интересно в этой связи упоминание «прекрасного города», в КОТОРЫЙ МОЖНО ПОПАСТЬ ЛИШЬ ПО МОСТУ НАДО РВОМ, кишашим кровожадными крокодилами (VI. 75). Название этого города у Плиния – *Thorax*, что может соответствовать санскр. *Dvārakā*, часто упоминаемому в эпосе. Полагают, что город *Dvārakā* (*Dwarka*) находился в северо-западной части Сураштры, т.е. поблизости от удумбаров. Плиний же выражается так: *Suarattaratae... Odonbeogae, Sarabastrae Thorace* (вариант: *Torace urbe pulchra*).

Дварака известна как столица Сатватов, или Ядавов, резиденция Кришны. В *Махабхарате* (III. 16) она описывается как славный город, защищенный глубокими рвами, заполненными водой – так что попасть в него можно лишь по мосту. Богатство исторической Дварки, вероятно, связано с торговлей, ибо она находилась на морском побережье и могла быть важным портом на пути из Южной Аравии.

Описание этого «прекрасного города» заставляет Плиния вспомнить еще об этом процветавшем торговом центре. В «Естественной истории» его название воспроизво-

⁴⁴ Law. Tribes... P. 62 f.

⁴⁵ DPPN. II. 758.

дятся как Automula (VI. 75). Однако сообщаемые о нем сведения не оставляют сомнения в том, что он не может быть локализован в Гуджарате-Сураштре: «И другой у них город пользуется славой – Automula – со знаменитым рынком, расположенный там, где пять рек сливаются воедино (et aliud apud illos laudatur oppidum Automula, impositum litori quinque amnium in unum confluente concursu, emporio nobili)». Никакого «слияния пяти рек» на п-ове Катхиявар нет (да и просто судоходных рек не имеется). Речь, безусловно, идет о Пенджабе (санскр. Pañcalada, т.е. «Страна пяти рек»). В том районе, где эти реки соединяются, действительно находится знаменитый центр международной торговли – город Мултан, древнее название которого Муластхана (sthāna, как известно, значит «место»). Следует думать, что в греческом оригинале Плиния было два слова, из которых лишь последнее – название города. В латинском тексте в результате ошибки они слились в одно – Automula.

Плиний и здесь, как обычно, называет военные силы царя: 1600 слонов, 150 тысяч пехоты и 5 тысяч всадников. У соседнего мелкого князька племени хармов или кармов (pauperior Charnorum – вариант: Carnarum – rex) всего 60 слонов и немного иных войск (paruasque reliquas vires habet). Рядом он помещает известное по Мегасфену царство Pandae, управляемое женщинами (ср. Арриан. Инд. 8). У них 300 городов, 150 тысяч пехотинцев и 500 боевых слонов. Речь, видимо, идет о Восточном Белуджистане, ибо чуть позже (VI. 94), описывая правобережье Инда, Плиний говорит, что судоходная река Romanus находится в Гедросии, «на границах Пандов». В санскритских источниках упоминается Pañdudeśa к югу от Камбоджи (район Кандагара) и к западу от Индрапрастхи (на широте Дели)⁴⁶.

Затем следует (VI. 76) длинный перечень названий племен: Derangae, Posingae, Butae, Gogoraei, Umbrae, Nereae, Brangosi, Nobundae, Cocondae, Nesei, Palatitae, Salobriasae, Orostrae. Так как этот список завершается упоминанием о-ова Патала в устье Инда, следует предполагать, что и порядок их перечисления – от Мултана вниз по течению реки до океана. Вероятно, речь идет о каких-то мелких народах Синда. Вряд ли все их когда-либо удастся полностью идентифицировать.

Более прозрачна ситуация в следующем фрагменте, где также присутствует длинный список: Mathoae, Bolingae, Gallitalutae, Dimuri, Megari, Ardabae, Mesae, Abisari. Silae. Во-первых, здесь Плиний сам указывает направление: «Отсюда же вдоль Инда против течения обитают (VI. 77 – hinc deinde accolunt Indum, adverso eo scandente demonstratione)». Во-вторых, некоторые из имен вполне узнаваемы. Mathoae, очевидно, соответствуют Māthai у Арриана (Инд. 4). Последнее же – не что иное, как санскритское Matsya, праkritское Maccha. Племя матсья локализуется в районе «города Вираты» (Берат, к западу от Матхуры и Дели). Следовательно, римский географ начинает свое перечисление, вернувшись к исходному пункту – примерно границе Раджастана и Харианы, на широте Мултана. По-видимому, Bolingae жили где-то поблизости, ибо это название соответствует Bhuliṅga, одному из племен Раджастана (Βουλῖγγαι у Птолемея VII. 1. 69).

В конце списка находятся Abisari, локализация которых в Западном Кашмире не вызывает сомнения (ср. «горный народ абиссареев» у Арриана. Инд. 4). Санскритская форма этого племенного названия – Abhisāra – встречается в ряде древних и средневековых источников (например, Махабхарата. II. 24. 18). Царь «горных индов» Абисар во времена Александра был северным соседом Таксилы и Пора. По всей видимости, его наследник послужил прототипом Парватаки («горного владыки») в сказаниях о Чанакье и Чандрагупте. Стало быть и остальные народы следует искать в Пенджабе – между Мултаном и Кашмиром. Не все они могут быть надежно идентифицированы, как и следующие далее Organagae, (Urganāga?), Abortae, Brasuertae, Sorofages, Arbae, Marogomatrae, Umbritae, Ceae и т.д. Однако мы без труда можем ориентироваться на карте региона, ибо время от времени встречаются вполне знакомые имена: Asini с их столицей – городом Букефала, основанным Александром

⁴⁶ *Sircar. Studies...* P. 94 со ссылкой на Шактисангаматантру.

Македонским, Таксилы со знаменитым городом, «четыре народа» начиная с Певколитов (т.е. Пушкалавати – совр. Чарсада) и т.д. (ср. Брихат-самхита. XVI 1. 26: takṣaṣīla... gāndhārapuṣkalavatakāh).

Завершая свое описание Индии, Плиний, таким образом, вернулся в тот район, с которого начал – в области, пройденные спутниками Александра. В этой связи упоминается и Ниса, и священная гора Меру, и всякие чудеса растительного и животного мира Индии. Пообещав рассказать о последних в иных книгах «Естественной истории», он переходит к о-ову Тапробане (т.е. Ланке/Цейлону).

Фрагмент о Тапробане у Плиния строится следующим образом. Сначала (VI. 81) автор передает сведения, сохранившиеся у Онесикрита и Мегасфена, а затем подводит итог: «До сих пор – то, что сказано древними (hactenus a priscis memorata)». А далее воспроизводится информация, полученная неким вольноотпущенником Анния Плокама, корабль которого «недавно, во времена принципата Клавдия», прибило к цейлонскому берегу. Знания «древних» не исправляются по новейшим данным, сообщенным этим мореходом, и не смешиваются с ними. Это очень характерно для античного географа: основой его труда служила старинная традиция, а сведения современников – купцов и путешественников – фигурируют лишь в качестве некоего добавления к устоявшемуся литературному канону⁴⁷.

То же самое мы наблюдаем и в описании Индии. В конце рассматриваемого раздела (VI. 104–105) Плиний рассказывает о плаваниях в Индийском океане – до знаменитого портового города Музирис, Бекара, Коттонара. Он упоминает царей Caelobothras (Кералапутра) и Pandion (Пандья) со столицей в Modura (Мадурани). Эти данные легко сопоставимы с теми, которые содержатся в «Перипле Эритрейского моря», они относятся к той же эпохе – I в. н.э. Но в разобранный прежде основной очерк об Индии они включены не были – там ученый использовал совершенно иные источники. Время от времени уже приходилось называть эти источники: Бэтон и Диогнет (VI. 61), еще раз Бэтон (VI. 69), посланцы Селевка Никатора и читавшие их труды эллинистические географы III – начала I вв. – Эратосфен (VI. 56, 81), Артемидор (VI. 70), Посидоний (VI. 57). Их сочинения упоминаются исключительно в связи с измерениями расстояний и определением географического положения Индостана – подавляющее большинство данных о народах Индии к ним восходить не может.

Автор порою пересказывает сообщения спутников Александра (VI. 59) о северо-западном регионе. Именно у них содержалось, например, утверждение, будто в этой части Индии 5 тысяч городов, и каждый не менее Коса (ср. Strabo. XV. 1. 3). Однако, во-первых, македонские войска зашли не далее Гипасиса. Во-вторых, даже повествуя о северо-западе, Плиний не ограничивается записками этих Comites Alexandri – географические названия в центральных главах фрагмента воспроизведены в иной форме, нежели там, где говорилось о знаменитом походе: ср. Taxilla, Peucolatis – VI. 62 и Taxilae, Peucolitae – VI. 78.

Подробно рассмотренный выше фрагмент «Естественной истории» VI. 64–78 кажется очень цельным. Его отличительной особенностью является обилие племенных названий, указанных в определенной последовательности по всем регионам Индии. Каждый раз, когда заходит речь о государствах, перечисляются военные силы местных царей. Приводимая «военно-разведывательная» информация имеет односторонний характер – автора не интересует ни вооружение, ни тактика, ни даже крепостные сооружения. Он говорит только о численности войск: пехоты, конницы и боевых слонов. Перечни племен можно найти и в других главах «Естественной истории», но данная черта присуща исключительно описанию Индии. Это заставляет предполагать, что в основу последнего положен единый источник.

Такова вообще была манера работы знаменитого естествоиспытателя. Начиная

⁴⁷ Dihle A. Plinius und die geographische Wissenschaft in der römischen Kaiserzeit // Dihle A. Antike und Orient. S. 176.

раздел о географии, Плиний (Ш. 1) говорит, что никто из людей не обладает всеведением, а потому нельзя следовать одному какому-либо авторитету во всех книгах своего труда. Для каждого предмета приходится выбирать того автора, который кажется именно для нее наиболее надежным. Данные последнего сопровождаются лишь отдельными добавлениями, заимствованными из других книг.

География Индии в «Естественной истории» нарисована с поразительной точностью. Немецкие филологи первой половины нашего века пытались расчлнить текст Плиния на мелкие фрагменты, заимствованные из разных источников (Варрона, Агриппы, Сенеки, Муциана и т.д.⁴⁸). При этом оказывалось, что автор основывался, вопреки своим собственным утверждениям, не на греческих, а на латинских трудах. У нас нет ни малейших оснований полагать, будто естествоиспытатель сам отчетливо представлял карту страны и мог умело соединить информацию, заимствованную из разных сочинений. Цельность и достоверность нарисованной картины скорее объясняется тем, что Плиний удачно выбрал основной источник и воспроизвел его достаточно близко к тексту.

Высказывалось предположение, будто важнейшим источником Плиния (VI. 60) являлся Сенека, который написал, что в Индии 118 народов. Но нет никаких оснований полагать, что Сенека самостоятельно собирал названия индийских племен и насчитал их именно 118. Данное утверждение является всего лишь воспроизведением аналогичного сообщения Мегасфена (Арриан. Поход Александра. VII. 1). У самого же Мегасфена безусловно воспроизводятся слова какого-то индийца: сто и восемнадцать – не точные числа, а некие символы (ср. в хронологии палийских хроник: сто лет от первого до второго буддийского собора, сто восемнадцать – от второго собора до коронация Ашоки, восемнадцать – от коронации до третьего собора). Составитель «Естественной истории» называет греческие источники, а затем лишь добавляет: «Также и у нас предпринято сочинение об Индии, в котором Сенека...». Это, скорее, долг вежливости по отношению к соотечественнику, чем ссылка на основной источник информации.

Плиний (VI. 58) очень четко говорит о том, что именно лежит в основе данного раздела: труды «греческих авторов, которые пребывали у индийских царей, – как Мегасфен и Дионисий, посланный Филадельфом, – и по этой причине рассказали о множестве народов (*auctoribus Graecis, qui cum regibus Indicis morati sicut Megasthenes et Dionysius a Philadelpho missus, ex ea causa vires quoque gentium prodidere*)». Мы принимаем пунктуацию критического издания Д. Детлефсена⁴⁹. Перевод Ж. Андре и Ж. Филлиоза «посланный Филадельфом по этой (т.е. по той же самой, что и Мегасфен) причине» не кажется удачным, так как никакой общей причины для обоих посольств быть не могло. В приведенном выше переводе мы следуем также за Д. Детлефсеном: *vires gentium-populorum multitudinem innumeram*. Интерпретация «и рассказали о силах (*vires*) народов», возможна (ср. VI. 75: *amplae vires peditum, parvasque reliquas vires* и т.д.), но сама тема «военных сил» в данном контексте не кажется уместной.

Итак, в основе описания Индии, по словам самого автора, лежат два труда – Мегасфена и Дионисия. Когда-то крупные фрагменты «Естественной истории» помещали в изданиях Мегасфена (Шванбек, К. Мюллер, Маккриндл). Д. Детлефсен⁵⁰ утверждал, что соответствующая часть труда Плиния может рассматриваться как выдержка из сочинения Мегасфена (*als Auszug aus seiner Schrift anzusehen sein*). Однако сейчас к этой проблеме относятся значительно осторожнее – Ф. Якоби, например, почти не включает в свою подборку «Фрагментов греческих историков» цитаты из римского географа. Очевидно, он не видит достаточных оснований для того, чтобы приписывать их Мегасфену. У Плиния есть несколько ссылок на Мегасфена (VI. 58,

⁴⁸ Kroll W. Plinius der Aeltere // RE. 41. Hlbbd. S. 307.

⁴⁹ Die geographischen Bücher der Naturalis Historia des Plinius... Hrsg D. Detlefsen. B., 1904.

⁵⁰ Detlefsen. Op. cit. S. 126. 131.

69, 81). Кроме того, отдельные его утверждения близки к сохранившимся фрагментам последнего (о темнокожих пигмеях, живущих в горах; о дочери Геркулеса и родоначальнице народа пандов). Но все это – не более, чем попутные замечания; даже сами ссылки показывают, что речь идет о дополнениях к основному тексту.

Сочинение посла Селевка Никатора во дворе Чандрагупты (конец IV в. до н.э.), хотя и не сохранилось, но неплохо известно по цитатам у Диодора, Страбона, Арриана и иных авторов. Там, где Плиний упоминает Мегасфена, соответствующие пассажи у этих авторов отыскиваются без труда. Значительную часть «Индики» составляло знаменитое перечисление семи разрядов населения Индии. Разряды эти – совершенно иные, чем те, о которых говорит Плиний⁵¹. Мегасфен писал о народах Индии, смешивая этнографию с мифологией. Со слов индийцев он рассказывал о людях безротых, безносых, одноглазых, с ушами до пят и т.д., за что и заслужил у Страбона (II. 1. 9) прозвище «лжеца». Эта черта абсолютно чужда рассмотренному выше описанию Индии, сохранившемуся у Плиния. Здесь автор «Естественной истории» избегает всяческих баснословий, зато дает длинные перечни реальных народов. Подавляющее большинство племен, очевидно, не упоминалось у Мегасфена – во всяком случае, никто из тех, кто несомненно пересказывал его, таких названий не приводил.

Реки Индии, города и народы, которые упоминаются у Арриана (следующего за Мегасфеном), как правило, отсутствуют у Плиния. Список их, составленный О. Штейном для статьи «Мегасфен» в энциклопедии Паули-Виссова, весьма показателен: совпадений названий у Плиния с другими авторами практически нет. А в редких случаях, когда говорится об одном и том же – несходная форма передачи имен собственных. Плиний, например, говорит о пигмеях, живущих в горах. Этих карликов Мегасфен видел при дворе Чандрагупты. Пересказывая труд селевкидского посла, автор «Естественной истории» называет (VII. 25) пигмеев скиритами (*Sciritas*, ср. Элиан. NA. 16. 23). Имелся в виду гималайский народ – кираты. Рисуя карты Индии, Плиний также называет киратов, но он явно пользуется иным источником, предлагая форму *Chirato* и не замечая тождества их с пигмеями-скиритами, взятыми у Мегасфена.

Таким образом, есть основания полагать, что основным источником Плиния являлась не «Индика» Мегасфена, а второй упомянутый им труд Дионисия. Если же мы будем предполагать нечто третье, то должны объяснить две загадки: почему Плиний не использовал автора, которого назвал, и почему не назвал автора, которому активно пользовался. Официальный характер дипломатической миссии Дионисия как нельзя лучше соответствует сухому и деловому стилю разбираемого фрагмента. Содержащаяся в нем информация не похожа на чисто научное сочинение. Автора интересуют главным образом взаимное расположение племен и военные силы государств. Лишь попутно он отмечает торговые города или судоходные реки. Физическая география занимает его значительно меньше, чем политическая, что было отмечено еще О. Штейном. А отсюда следует, что самый жанр использованного источника, скорее, деловой отчет, чем ученый трактат.

В научной литературе можно встретить утверждение, будто об этом Дионисии мы ничего не знаем, кроме того, что сказано Плинием⁵². Однако ситуация не кажется столь безнадежной. Астроном Клавдий Птолемей ссылался на те наблюдения за планетами, которые проводились неким Дионисием в 272–241/240 гг. до н.э. (*Ptol. Synt.* IX. 168. 169. 170. 187; X. 236; XI. 263). Деятельность последнего, таким образом, относится ко времени правления Птолемея Филадельфа и его наследника. Этот Дионисий ввел новую эру, начальной точкой которой была дата 26 июня 285 г. до н.э. Именно в том году Филадельф вступил на престол (сначала как соправитель отца); и 26 июня –

⁵¹ Это давно показано в работе: *Breloer B. Megasthenes über die indische Gesellschaft // ZDMG. 1934. 88. S. 163.* Но точка зрения Б. Брелера о том, что источником Плиния было описание «конституции Таксилы» Онесикритом, не обосновано серьезными аргументами.

⁵² *Detlefsen. Op. cit. S. 126: sonst völlig unbekannt.*

день не случайный, начало летнего солнцеворота. Кажется весьма вероятным, что посол в далекую Индию и придворный астроном – одно и то же лицо⁵³.

В таком случае мы можем попытаться определить дату посольства. Самое последнее наблюдение за планетами, которое упоминает Клавдий Птолемей, относится к 241/240 гг. до н.э. Это значит, что Дионисий выпустил свой труд не ранее 30-х годов. Так как этому предшествовали тридцать с лишним лет научной деятельности, то жил ученый приблизительно в 300–230 гг. до н.э. Птолемей Филадельф мог отправить посольство к одному из двух маурийских царей – к Биндусаре или к Ашоке. Первый из них правил в 290–260 гг. до н.э., когда Дионисий был еще молод. Поездка к Ашоке представляется значительно более вероятной.

Здесь необходимо сделать экскурс о хронологии правления Ашоки. Как известно, во II и III Больших наскальных эдиктах идет речь о его миссиях к эллинистическим правителям. Ашока говорит о том, что отправил гонцов к правителю греков Антийоке и к четырем другим греческим царям (*antiyoke nāmā yonālājā palam sa tena antiyokena sātālī lājāne*): Туламая, Антекини, Мака и Аликасудара, «которые находятся за тем Антиюкой» (XII БНЭ), «которые – соседи того Антиюки» (II БНЭ). Употребляемая фразеология заставляет предполагать путешествие в столицу Селевкидов – к Антиоху, а уже оттуда к Птолемею, Антигону, Магасу Киренскому и к Александру. Собственно, иные маршруты вряд ли были возможны – морской путь между Индией и Египтом еще не был освоен в середине III в. до н.э. Но в этом случае следует думать, что великое посольство отправилось на Запад не ранее окончания II Сирийской войны в 253 г. до н.э. В условиях острого военного конфликта между Селевкидами и Птолемеями оно явно не могло состояться. Если это так, то царь Аликасудара, упомянутый Ашокой, не может быть Александром Эпирским, как обычно считается, ибо последний умер около 255 г. до н.э. Речь должна идти об Александре Коринфском, который принял царский титул в 253/252 г. до н.э. Большие наскальные эдикты были высечены на 12–13-м году после помазания Ашоки. Следовательно, его коронация должна быть датирована не ранее 264 г. до н.э., а не в 268 г. до н.э., как принято считать⁵⁴. Исходя из хронологии Маурьев, засвидетельствованной в пуранах (24-го года правления Чандрагупты и 28-го – Биндусары) даты позже 263/262 г. также исключены.

Ничто не указывает на интенсивные связи Маурьев со Средиземноморьем, и – по общей обстановке – их вряд ли можно предполагать. Между тем индийский царь обладал самой свежей информацией о ситуации в эллинистическом мире. Он знал о том, что Александр в Коринфе только что объявил себя царем. Он перечислил правителей греков в соответствии с их значимостью: сначала Птолемей, потом Антигон, Магас и, наконец, Александр. Это свидетельствует о том, что в Индию совсем недавно прибыли вести с Запада. По всей видимости, Антиох сам отправил посольство к Ашоке и сообщил о том, что на его западных границах заключен «всеобщий мир» (*κοινή ειρήνη*), завершивший грандиозную войну. Ситуация в Центральной Азии, очевидно, должна была его тревожить – недаром уже через несколько лет от державы Селевкидов отпали ее восточные области.

Индиец воспользовался этим случаем для отправки ответного посольства – не только к Антиоху, но и к тем царям, о которых ему сообщили греки. Его миссия в Коринф и Кирену вряд ли имела практические цели – дипломатические или торговые. Для Ашоки казалось важным другое: объявить по всей ойкумене, что именно он есть «царь дхармы», а тем самым Владыка мира. Его посольство имело церемониальный характер – эллинистические правители вряд ли даже подозревали, что, принимая послание Ашоки, они тем самым участвуют в «завоевании всей Земли» (*svata vijaya. sr. vijīta pṛthivī sarvām – Śat. Br. XIII. 5. 4. 11–13*).

В XIII эдикте говорится, что до царя Антиюки – 600 йоджан. В других случаях

⁵³ *Dionysios // RE. IX Hlbbd. 1903.*

⁵⁴ *Eggermont P.H.L. The Chronology of the Reign of Asoka Moriya. Leiden. 1956.*

расстояния (скажем, до Чолов или Тамбапани-Цейлона) не приводятся. Число это, хотя и округленное, кажется довольно правдоподобным. Эратосфен (Strabo. I. 4. 5) определяет длину от устья Ганга до Нила в 40 тысяч стадий, следовательно, до Килены около 45 тысяч, что и соответствует 600 йоджанам (йоджана – около 12 км). Вероятно, греческие посланцы, тщательно измерявшие дистанции, могли сообщить о результатах своей деятельности царю Паталипутры. Однако в сознании последнего это число перестало быть практически значимым, оно приобрело символическую функцию – некой бесконечности, до границ обитаемого (и «завоеванного» царем) мира.

Вероятно, более ранних дипломатических контактов не только с Кириной, Коринфом или Македонией, но и с птолемеевским Египтом у Маурьев не было, во всяком случае, свидетельств о таких связях у нас нет. Однако известно, что энергичный Птолемей Филадельф настойчиво искал возможности для участия в восточной торговле – он строил портовые города на Красном море. Кроме того, царь был крайне заинтересован в импорте слонов – основной ударной силы в битвах середины III в.⁵⁵ По его приказу была отправлена экспедиция за слонами в Эфиопию⁵⁶. Несмотря на то, что заключенный «всеобщий мир», он должен был со всей серьезностью относиться к перспективе налаживания отношений с соседом своего вечного врага Антиоха. Дипломатическая миссия неизбежно должна была приобрести черты военной разведки.

Такая канва событий представляется наиболее правдоподобной, хотя уверены мы можем быть только в одном: посольство Дионисия посетило Индию до смерти Птолемея Филадельфа в 246 г. до н.э. и, очевидно, до образования Парфянского царства в 247 г. до н.э. – события, коренным образом изменившего расстановку сил на Востоке. После того, как Парфия отрезала греческие государства Средиземноморья от Индии, сообщения о военных контингентах и количестве слонов у индийских правителей должны были потерять всякую актуальность.

Итак мы приходим к выводу о том, что посольство Птолемея Филадельфа посетило Индию около 250 г. н.э. Официальный отчет Дионисия содержал политическую карту страны, сохраненную для нас Плинием. Труд этот остался незамеченным другими писателями – совпадения с Плинием имеются лишь у Солина (III в. н.э.), но тот сам использовал «Естественную историю».

Сочинение Дионисия, видимо, резко отличалось от предшествующих. Мегасфен имел весьма смутные представления по географии Индии. Он посетил незначительную часть страны, а индийцы не могли рассказать ему ничего, кроме мифов и эпических преданий. Возможности получения достоверной информации об Индии у автора середины III в. до н.э. были несравненно шире. После мира, подписанного Чандрагуптой и Селевком, к маурийскому царю отошли территории, где находились города, основанные Александром. Греки стали подданными индийского царя. Так как был заключен династический брак, они должны были появиться даже при магадском дворе. Эдикты Ашоки переводились на греческий язык, а культура его времени явно испытала эллинистическое влияние. Дионисий мог общаться не только с брахманами, рассказывавшими небылицы о безротых людях, спящих на своих огромных ушах, но и с греческими купцами, представлявшими реальную географию страны.

Перечни народов, воспроизводимые Плинием, иногда напоминают итинерарии и могут служить основой для реконструкции торговых путей. Однако было бы неосторожно сделать вывод, будто речь всегда идет о реальных маршрутах. В ряде случаев видно, что это не так, например, когда после правобережья Ямуны (каруши, шурасены) последовательно описывается левобережье (панчалы, кауравы и уттаракуру). Такой зигзаг можно сделать, водя пальцем по карте, а не в реальном путешествии по местности.

⁵⁵ *Raschke M.G.* New Studies in Roman Commerce with the East // ANRW. II. 9. 2. S. 656.

⁵⁶ *Dihle.* Plinius... S. 109.

Общий вывод, согласно которому источник Плиния относится к эпохе, на несколько веков более ранней, чем составление «Естественной истории», отнюдь нельзя назвать сенсационным. Напротив, в историографии давно установилось мнение, что писатель опирался, главным образом, на традицию, сложившуюся в период раннего эллинизма⁵⁷. Главная задача заключается в том, чтобы правильно оценить значение этого факта для индологии. Политическая карта страны в середине III в. до н.э. оказывается существенно иной, чем рисуется в современных исследованиях по истории «империи Маурьев». С другой же стороны, на ней неожиданно обнаруживаются детали, хорошо известные по текстам и надписям позднейшего времени.

Самым крупным государством Индии в середине III в. до н.э. было царство со столицей в г. Паталипутра, т.е. Магадха. Оно охватывало весь бассейн Ганга – от Матхуры до Бенгалии. Здесь жили различные племена, но все они – куру, панчалы, шурасены и др. – подчинялись «палиботрам» и могли быть названы единым «народом прасиев» (VI. 70). Ближайшие соседи магадхов – кошалы и анги – даже не упомянуты Плинием. Очевидно, они полностью растворились, вместе с магадхами, в понятии «прасии». Выражение (VI. 68), согласно которому прасии «по силам превосходят почти все остальные народы Индии», означает сравнение не с каждым племенем по отдельности, а со всеми вместе взятыми. Об этом свидетельствуют приводимые автором размеры воинских контингентов, заимствованные, очевидно, из единого источника. Магадха в эпоху расцвета являлась единственной великой державой Индии.

Бассейн Инда магадхскому царю не принадлежал – здесь располагались самостоятельные царства: Гандхара на севере, Мултан в центре, царство Пандов в Восточном Белуджистане. Судя по упоминаниям многочисленных народов Северо-Западной Индии, этнический состав крупных государств был весьма пестрым, а политические структуры, очевидно, сочетались с племенными. На территории Гуджарата находились два небольших княжества – Сураштра и Оратае (Анарта?). В Раджастане обитали «свободные» племена, «не имеющие царей», в частности, воинственные кланы малавов и шалвов. В центральной части Декана располагались государства Мекала (юг штата Мадхья-Прадеш) и Ашмака (Махараштра). На побережье Бенгальского залива – два крупных царства: Калинга (Орисса) и Трикалинга (Андхра-Прадеш).

На крайнем юге жили чолы и «горцы»-малаялам. О монархической власти у тамильских племен не упоминается. Ситуация изменилась лишь на рубеже нашей эры, когда с развитием римско-индийской торговли у того же Плиния появились сведения о местных царях – Пандья (Пандион) и Кералапутра (Келоботрас). Последовательно перечисляя области Индии с севера на юг, автор заходит не далее Андхры. Это точно соответствует району распространения Больших наскальных эдиктов Ашоки. Четыре страны юга – Чола, Пандья, Сатьяпутра, Кералапутра – находились в ином, пограничном для Маурьев, мире.

Империи, в привычном для нас смысле слова, автор источника, использованного Плинием, не обнаружил. Дионисий рисует многоплеменную Индию, наиболее крупными народами которой управляли собственные цари. Им иногда удавалось подчинить соседей и создать обширные объединения в географически определенной зоне – между реками, в долине или на полуострове. На обширных пространствах сохранялась племенная периферия – как внешняя, так и внутренняя.

Наиболее богатым и густонаселенным районом была долина Ганга, подвластная правителю Паталипутры. Границы этого царства, очерченные Плинием, примерно совпадают с той территорией, где найдены колонные эдикты Ашоки, высеченные на 26/27-м году его правления. Более или менее реальный контроль «царь Магадхи» (как называл себя Ашока) осуществлял только здесь. Для всей остальной «земли от Западного до Восточного океана» он являлся лишь гегемоном, но отнюдь не единственным законным монархом. Можно предполагать, конечно, что местные царьки и

⁵⁷ Ibid. S. 178–188; cf. ANRW. II. 9. 2. P. 556: «То, что в главах об Индии у Плиния не восходит к раннеэллинистическому времени, и композиционно выглядит как дополнение», ср. *Detlefsen*. Op. cit. S. 126.⁹

племенные вожди временами соглашались признать превосходство его военной мощи. Но имперской административной системы безусловно не было.

Как бы то ни было, образованный грек, посетивший Индию в середине III в. до н.э., не заметил той «общеиндийской державы», о которой говорится в современных учебниках. Очевидно, этот факт следует учитывать при реконструкции древней истории страны.

INDIA IN «NATURAL HISTORY» OF PLINY THE ELDER

A.A. Vigasin

As regards Indian geographical nomenclature contained in the «Natural History» there are two points to be taken into account: a) the sources were in Greek, b) Greek transliteration of Indian words reflected some phonetic peculiarities of the local dialects.

The basis of Indian chapter (NH VI. 64–78) was formed by a source, where the ethnic map of a country was depicted with remarkable accuracy. There are some reasons to think that it was an official report of Dionysius, mentioned by Pliny himself (a *Philadelpho missus* – VI. 58).

If this Greek ambassador is identical with the famous astronomer of Philadelphus (quoted as an authority by Claudius Ptolemaeus), the embassy is to be dated between 253 and 248 B.C.

The political map of India in the middle of the third century B.C. was marked by the incontestable hegemony of the Magadhan king, whose dominions were the whole Ganga basin. But the Greek writer of the early Hellenistic age mentions of some other mighty kings: those of Kalinga and Trikalinga (Andhrā), Mekala and Ashmaka, Gandhara and Punjab (Mulasthana), Surashtra etc., as well as autonomous tribes inhabiting the lands of modern Rajasthan. The information preserved by the Latin geographer makes it possible to revise the nature of the so-called «Mauryan empire».